

УДК 811.161.1

РАЗВИТИЕ ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ КАК ШАГ К ЭВОЛЮЦИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

А.Ю. Чернышева

Аннотация

В работе рассматривается вопрос о синтаксических связях, выходящих за рамки традиционной оппозиции «сочинение-подчинение». Причина их появления усматривается в стабилизации подчинительных конструкций, сопровождавшейся дифференциацией смысловых отношений, маркируемых двухместными скрепами.

Проблема синтаксических связей в сложном предложении еще далека до своего окончательного решения, хотя основные виды этих связей определены. Среди союзных структур это сочинительная и подчинительная связь. Традиционные понятия сочинения и подчинения сводятся к интуитивному установлению изоморфизма между связями предикативных единиц в сложном предложении и связями между формами слов в словосочетании и простом предложении. Сочинительная связь между предикативными единицами в сложном предложении аналогична связи между формами слов в сочинительных словосочетаниях и характеризуется тем, что соединяемые ею компоненты выполняют одну и ту же синтаксическую функцию относительно друг друга и образуемого ими целого. Подчинительная связь между предикативными единицами в сложном предложении аналогична разным видам подчинительной связи в словосочетании и простом предложении и характеризуется тем, что соединяемые ею компоненты выполняют разную синтаксическую функцию. Формальные основания разграничения сочинительной и подчинительной связи в сложном предложении лежат в союзных средствах: сочинительную связь маркируют сочинительные союзы, подчинительную – подчинительные союзы и союзные слова [1, с. 729–732].

Вместе с тем в русском сложном предложении существуют и такие синтаксические связи, которые не сводятся к традиционной оппозиции «сочинение-подчинение» [2, с. 69–80]. Причина этого заключается в том, что возникающая в сложном предложении грамматическая ситуация несколько иного качества, чем в простом предложении, применительно к которому и были определены традиционно выделяемые связи – сочинение и подчинение. Специфика грамматической природы сложного предложения отмечена еще В.А. Богородицким, утверждавшим, что «во всяком сложном предложении его части составляют одно связное целое, так что, будучи взяты отдельно, уже не могут иметь вполне прежнего смысла или даже совсем невозможны, подобно тому как морфологи-

ческие части слова существуют только в самом слове, но не отдельно от него» [3, с. 229].

В создании целостности сложного предложения принимают участие двухместные показатели связи, каждый компонент которых маркирует предикативную единицу как несамостоятельную, приводя к двунаправленности, взаимности связи частей. Формированию двухместных показателей связи способствовал протекавший в XIX в. процесс активного развития подчинительных конструкций, который сопровождался дифференциацией смысловых отношений. Основными линиями дифференциации семантики сложного предложения явились: «1) устранение многофункциональности конструкций; 2) устранение разнооформленности одних и тех же значений, выражаемых подчинительными конструкциями (или устранение синтаксической дублетности); 3) развитие дифференцированности синтаксического оформления разных значений, выражаемых подчинительными конструкциями; 4) развитие синонимических отношений между разными типами подчинительных конструкций» [4, с. 252].

Показательна в этом отношении эволюция причинной и следственной подчинительной связи. В XIX в. завершилось оформление структурно законченной системы выражения причинно-следственных отношений конструкциями сложноподчиненного предложения. В это же время, как отмечает В.А. Богородицкий, установилось коррелятивное соотношение трансформации между сложноподчиненными предложениями со значением причины и со значением следствия. Оно сопровождалось тем, что в каждой из противоположаемых друг другу конструкций вследствие возможности расчленения обстоятельственных союзов (*потому, что; так, что*) возникли структурные варианты с более тесным соотношением между главной и придаточной частью – или с акцентированной причиной, или с ослабленным следствием [3, с. 237]. В том и другом случае возникла новая, по сути дела, связь, выходящая за рамки собственно подчинения.

Дифференциация семантики сложного предложения осуществлялась при посредстве широкого вовлечения в число показателей связи «маленьких слов» – союзных элементов, наречий, модально-вводных слов и, прежде всего частиц, способствовавших образованию и укреплению двухместных скреп.

Среди показателей связи, в формировании которых принимали участие частицы, следует выделить скрепы, в состав которых входит коррелят – Т-местоимение – и изъяснительный союз (*то, что*). Н.С. Пospelов отмечает, что в литературном языке второй половины XVIII – первой четверти XIX в. в изъяснительных конструкциях местоимение *то* являлось дополнительным средством связи частей – таким, что изъяснительные сложноподчиненные предложения не отличались по своей структуре от местоименно-соотносительных; использование этого местоимения мотивировалось логическим ударением и присоединением к нему усилительных частиц [5, с. 62]. В приводимых Н.С. Пospelовым примерах только такие, в которых коррелят *то* акцентируется частицей *и*: «Притом же иногда, голубчик-кум, *И то* приходит в ум, *Что* я ли воровством одна живу на свете (Крылов, Крестьянин и лисица)».

В связи с совершенствованием системы подчинительных конструкций в XIX в. (и прежде всего укреплением подчинительных союзов) организующая роль коррелята ослабилась. И вместе с тем, если корреляты употреблялись, они

в большей степени указывали, во-первых, на структурную и смысловую несамостоятельность главной части, усиливая связь частей, и, во-вторых, свидетельствовали о наличии в предложениях формально выраженной двусторонней подчинительной связи. Одним из факторов, способствовавших употреблению коррелят, оставались частицы, акцентирующие объектную или субъектную семантику предложений.

В настоящее время больший состав частиц акцентирует коррелят, вызывая его появление даже в тех случаях, когда придаточная часть занимает позицию винительного падежа прямого объекта, то есть в предложении такого строения, для которого нормально непосредственное присоединение придаточной части к опорному слову [6, с. 708]. Это свидетельствует о значимости использования частиц в формировании двухместных показателей связи. Рематизируя коррелят и – соответственно – придаточную часть, частицы дифференцируют объектную или субъектную семантику как единственную (*только, лишь*), неединственную (*и*), ожидаемую (*как раз*), неожиданную (*даже*): *Сейчас он ясно сознавал только то, что в его ногах сладко заныло нетерпение, и появилась жажда движений, вызванная этими переходами и переборами ладов, этим печально-веселым басовым рокотом* [Белов]; *Она была несколько не похожа на Лизу, но именно Лизу увидел в ней Кирилл, и странно ему было как раз то, что эта Лиза ничуть не изменилась* [Федин].

Возможный эллипсис коррелята в текстах КЛЯ (видимо, под влиянием РР) не изменяет статус скрепы очевидным образом: она остается двухместной – с незамещенной позицией препозитивного элемента: *Улетая, Маргарита видела только, что виртуозджазбандист, борясь с полонезом, который дул Маргарите в спину, бьет по головам джазбандистов своей тарелкой и те приседают в комическом ужасе* [Булгаков]; *Плохо только, что соседи слышали* [Бакланов]; *Эля напряглась, слушая, но поняла лишь, что этот единственный возле нее живой человек тоже куда-то уходит* [Астафьев]; *Роза не успела вспомнить даже, что должна показаться Махова сторожка, и закричала просто: «Имба!»* [Солухин].

Доказательством вхождения акцентирующих частиц в состав двухместных показателей связи с незамещенной позицией коррелята является их семантика. В лингвистической литературе семантика всех так называемых «выделительных» частиц описывается с помощью эксплицитных перефразировок смысла предложения. Интересным представляется толкование семантики данных частиц с опорой на понятие сферы действия, то есть модель управления слова. В работе И.М. Богуславского [7, с. 104] показывается, что актантная структура выделительной частицы *только* включает следующие компоненты: Q – выделяемый объект; R – множество однородных с Q и релевантных в данном контексте объектов, из которых Q выделяется; признак, на основе которого происходит выделение. Вот один из приводимых И.М. Богуславским примеров, адекватно представляющих данные валентности: *Из всех друзей мне нравится только Коля*, где валентность P заполнена словосочетанием *мне нравится*, валентность Q – словом *Коля*, а валентность R – словосочетанием *из всех друзей*.

В сложном предложении акцентирующие коррелят частицы реализуют семантические валентности в разных частях: валентность P – в главном предло-

жении, валентность Q – в придаточном предложении. Не следует думать, что в таких предложениях в сферу действия частицы *только* по валентности Q входит глагол-сказуемое главной части, ибо эта частица, как считает И.М. Богуславский, не способна смещаться к глаголу. Смыслы предложений с разной позицией частицы относительно глагола-сказуемого в главной части не равны. Имеются в виду смыслы предложений типа: (1) «*Я могу говорить только о том, что знаю*» и (2) «*Я могу только говорить о том, что знаю*». Интерпретация предложения (1) опирается на следующее смысловое описание 'единственное, о чем я могу говорить, это то, что я знаю'. Смысл предложения (2) трактуется иначе 'единственный разговор, который я могу вести, – это о том, что я знаю' [7, с. 104]. Также неоднозначны смыслы предложений: (1) *Он сказал только, что отсутствовал* и (2) *Он только сказал, что отсутствовал*. Смысл предложения (1) следует понимать, как 'единственное, что он сказал, – это то, что отсутствовал'. Смысл предложения (2) следует понимать, как 'единственное, что он сделал, – это то, что сказал о своем отсутствии'.

Доказывает отнесенность акцентирующих частиц к придаточному и то, что при наличии в тексте двух контрастирующих глаголов-сказуемых частицы противопоставляют не собственно глаголы-сказуемые, а их объекты – по способу исключения частного объекта из общего релевантного множества объектов: *Что начнется? Мы и сами не знали что, знали только, что что-то наверняка будет* [Белов]; *Как ни пытались мы выяснить у хозяйки, что за чай, из чего приготовлен и как, она ничего не могла сказать. Твердила только, что чай делает бабка* [Солоухин].

На основании сказанного можно заключить, что эллиптированные двухместные показатели связи также формируют синтаксическую связь, выходящую за рамки собственно подчинения, ибо каждая из частей предложения оказывается формально помеченной как самостоятельная.

Значительную группу составляют двухместные показатели связи, в состав которых входят корреляты, то есть местоименные слова (*так, такой, до того, настолько, до такой степени*). Их противочленом в другой части предложения является союз *что*, формально указывающий на «ослабленное» следствие. Фактически же семантика таких предложений не вытекает непосредственно из значений предикативных единиц, а выводится из структурной схемы в целом, предполагая идиоматизацию компонентов: следствие, выражаемое придаточной частью, является признаком того явления, о котором говорится в главной части. Дальнейшая дифференциация семантики предложений с двухместными показателями связи типа *так – что* идет по линии усиления признака и его экспрессивной окрашенности посредством включения в состав скрепы модусно-оценочных интенсифицирующих частиц (интенсификаторов), контактирующих с союзом *что* (*даже, аж, только, просто, прямо, хоть, едва не, едва ли не, чуть не, чуть ли не*): *Свет, ослепительный до того, что даже отливал в розовое, то загорался, то исчезал* [Булгаков]; *Такая чуткость, что просто с ума сойти можно* [Распутин]; *Такая тоска, что хоть роман заводи* [Федин]; *Они пили чай и были до того смешны своими вымазанными черникой лицами, что я чуть не расхохотался* [Белов].

При эллипсисе союза (обычно в РР или текстах КЛЯ, хорошо имитирующих РР) интенсифицирующие частицы приобретают союзную функцию, становясь вторым членом прономинально-союзной скрепы – или с препозитивным коррелятом (*так – даже, до того – аж, так – только, такой – просто, так – прямо, так – хоть, такой – едва не, так – чуть*), или с постпозитивным коррелятом (*даже – так, даже – такой, даже – до того, даже – настолько*): *Я уж вас так пожалела, Меркурий Авдеевич, прямо ночь напролет уснуть не могла* [Федин]; *А на душе у Мишки так муторно, так тоскливо – хоть топись* [Абрамов]; *Такая досада, растерянность, чуть ли не слезы остановились в ее больших синих глазах* [Белов]; [*Т а н я.*] *Даже страшно – так давно не играла* [Арбузов]; *Даже словом не обмолвился – до того рассвирепел из-за ареста Лукашина* [Абрамов]; *Она даже не изумилась этой странности, настолько ей стало спокойно* [Федин].

Более специализированный способ экспрессивной оценки отношений интенсификации составляют случаи использования в главной части местоименных слов, выступающих в функции частиц: *как, вот как, какой, каков, сколько, до чего, что* (в значении 'сколько'), которые могут входить в комплексы (*как же, вот какой, вот сколько*) [8, с. 504]: *Тут как даст вблизи тяжелей, Аж подвинулась земля!* [Твардовский]; *У Дани даже дух захватило, какие были красивые шары* [Белов]; *Просто завидки берут – до чего толкова девка* [Распутин]; *Никогда не ел такого вкусного хлеба. До чего же душистый, мягкий, чуть солоноватый, даже есть жалко* [Шукшин].

Большой класс двухместных показателей связи составляют скрепы с частицами *то, так, тогда* в главной части, соотносящимися с условными, причинными и временными союзами в придаточной (*если – то, если бы тогда, поскольку – то, поскольку – так, раз – так, так как – то, когда – то*). Традиционно *то* характеризовалось как семантически и стилистически нейтральное, *тогда* – как подчеркивающее неизбежность наступления следствия, *так* – как употребляющееся в непринужденной разговорной речи. Общим в употреблении частиц было акцентирование ими условно-следственных, причинно-следственных и временных отношений. В условиях развитого подчинения данные частицы потеряли столь обязательный характер и стали определяться как факультативные, хотя факультативность их и в наше время во многих случаях условна. Прежде всего потому, что данные частицы имеют статус заключительных, то есть они всегда характеризуют вводимую ими часть как заканчивающую полипредикативную синтаксическую конструкцию, с чем связана фиксированность словорасположения данных частиц – их свойство употребляться лишь в начале постпозитивной части.

Изучение коммуникативной организации сложного предложения выявило и еще одну значимую сторону функционирования частиц – то, что они являются факультативным знаком грамматического и актуального членения предложений, выступая в качестве ремы высказывания и выражая метатекстовое значение 'Дальше идет часть сообщения, связанная со сказанным и более важная по содержанию' [9, с. 90]. Необходимость рематизирующих заключительных частиц может быть обусловлена формальной организацией предложений, сти-

листки текста, коммуникативной структурой текста: нюансом генеритивного коммуникативного регистра речи.

Формальная организация предложений диктует появление заключительных частиц в том случае, когда границы между частями (темой и ремой высказывания) не вполне очевидны, чему способствует структурная неполнота частей или, наоборот, большой объем, усложненность и распространенность предложений, например, смежное употребление неоднородных придаточных, требующих обязательной фиксирующей пометы для прояснения смысла высказывания: *И если человек не чувствует близости близких, то, как бы ни был он интеллектуально высок, идейно подкован, он начинает душевно корчиться и задыхаться – не хватает кислорода* [Трифонов].

Стилистикой текста, регламентирующей использование рематизирующих заключительных частиц, может быть логизированный синтаксис, который представляет собой цепь вытекающих друг из друга умозаключений, соответствующих языку математических доказательств. Примером могут служить тексты из романа Л.Н. Толстого «Война и мир»: те места, где он выступает как публицист, ученый-историк:

Если допустить, как то делают историки, что великие люди ведут человечество к достижению известных целей, состоящих или в величии России или Франции, или в равновесии Европы, или в разнесении идей революции, или в общем прогрессе, или в чем бы то ни было, то невозможно объяснить явлений истории без понятий о случае и о гении.

Если цель европейских войн начала нынешнего столетия состояла в величии России, то эта цель могла быть достигнута без всех предшествовавших войн и без нашествия. Если цель – величие Франции, то эта цель могла быть достигнута и без революции и без империи. Если цель – распространение идей, то книгопечатание исполнило бы это гораздо лучше, чем солдаты. Если цель – прогресс цивилизации, то весьма легко предположить, что, кроме истребления людей и их богатств, есть другие более целесообразные пути для распространения цивилизации.

Почему же это случилось так, а не иначе?

Потому что это так случилось. «Случай сделал положение; гений воспользовался им», – говорит история.

Стимулирует использование заключительных частиц и коммуникативный регистр наиболее абстрактного уровня – генеритивный, описанный в коммуникативной грамматике [10, с. 395–396]. Свойством данного регистра речи является обобщение – соотнесение накопленной информации с универсальными законами мироустройства. В рамках сложного предложения такое обобщение хорошо поддерживается отношениями обусловленности, маркированными формальной двусторонней связью (*если – то, раз – то, когда – то*): – *Но если существует человечество, то должна существовать и общечеловеческая мораль* [Крон]; *Если вы не победите слово, то оно победит вас* [Катаев]; *А если вас окунули в воду, то от второго окунанья вы мокрей не станете* [Солоухин]; *А когда трудная жизнь, то крутые характеры становятся еще круче* [Симонов]; *Если женщина беспристрастна, то вернее всего она не любит* [Крон]; *[Д р о н о в:] Раз борьба, то потери неизбежны* [Алешин]; *Когда жизнь дого-*

рает до тла, то в пепле остается одна последняя золотинка [Леонов]; *[X о р:] Когда человек уходит из жизни, то и вещи его постепенно покидают свои места* [Арбузов].

Протекавший в течение XIX в. процесс дальнейшего семантического развития условно-следственных конструкций привел и к появлению, по Е.А. Иванчиковой, условно-выделительных и условно-сопоставительных конструкций, построенных при помощи скрепы *если – то (так)* [4, с. 178–180]. Такие конструкции активно используются и в наше время, квалифицируясь как предложения с несобственно-условным и сопоставительным значением: *Была попытка создать государство нового типа, и если оно не было тогда создано, то лишь потому, что у французского пролетариата не было в то время самостоятельной рабочей партии* [Катаев]; *Если былинки как ни тихо, но сменяют друг друга, мелькают или, лучше сказать, уплывают из щелочки, то дальний лес – темная полоска между сероватым снегом и вовсе уж серым, таким же плоским и ровным, как снег, небом – постоянно стоит перед глазами и как будто вовсе не сдвигается с места* [Солоухин].

Связь частей в предложениях, построенных при помощи двухместных скреп с обязательным постпозитивным *то*, двунаправленная, тесная – особенно при наличии условных и причинных союзов (*если – то потому, что*), маркирующих взаимное подчинение частей.

Другую значительную группу составляют двухместные показатели связи, представляющие собой расчлененные образования составных причинных и целевых союзов (*потому, что; оттого, что; для того, чтобы; затем, чтобы; ради того, чтобы*).

Расчленению причинных и целевых союзов послужило акцентирование их семантики. При расчленении, сопровождающемся позиционным разобщением элементов (*потому..., что*), эти образования формально и содержательно утрачивают свойства целостного союза, что переводит причинные и целевые предложения в ранг местоименно-соотносительных с семантикой вмещения. При контактном соположении элементов (*потому, что*) категориальные свойства расчлененных образований неопределенны, вследствие неясности вопроса о лексической самостоятельности указательной части составных союзов. Наличие актуализаторов (вводно-модальных слов, частиц) при указательной части союзов снимает неопределенность ее категориальных свойств, свидетельствуя об обязательном интонационном расчленении элементов скрепы и, следовательно, об использовании указательного элемента в качестве компонента двухместного показателя связи. Значимость актуализаторов – прежде всего частиц – в образовании двухместных показателей связи и в том, что они дифференцируют причинную и целевую семантику, подчеркивая ее

– единственность (*единственно потому, что; только для того, чтобы; лишь затем, чтобы*): *Аночка расхохоталась тем хохотом, какой нападает на молоденьких девушек, например, в последних школьных классах, когда хохочут без особой причины, единственно потому, что молодое ликование жизни требует смеха* [Федин]; *У Львовых мне казалось, что политика существует только для того, чтобы объяснить, почему Митю исключили с волчьим билетом* [Каверин];

– неединственность (*еще и потому что; еще и оттого, что; и от того, что; еще и для того, чтобы*): *Робость и беспокойство Алексея усиливались еще и от того, что, пригласив Катю на танцы, он вдруг усомнился в своих способностях* [Кочетов];

– минимальную достаточность (*хотя бы потому, что; хотя бы для того, чтобы*): *Время не имеет надо мной власти хотя бы потому, что его не существует, как утверждал «архискверный» Достоевский* [Катаев];

– максимальную достаточность (*уже потому, что*): *Они ночевали в Сорренто после длинного дня, необычайного уже потому, что это был только один день, в течение которого можно, оказывается, увидеть так много!* [Каверин];

– элементарность (*просто потому, что*): *И Николаю Васильевичу Заозерскому дарили цветы – просто потому, что он любил цветы* [Каверин];

– недостоверность (*будто бы потому, что; будто для того, чтобы*): *Щука завелась будто бы потому, что в низовьях реки, под Шаплыгином, нарушилась мельница* [Солоухин].

Части таких предложений связаны отношениями, более сложными, чем традиционно понимаемое подчинение [2, с. 72].

Следующую большую группу скреп составляют двухместные показатели связи с уступительными частицами. Одни из них (*все-таки, все же, все равно*) в конструктивном объединении с сочинительными противопоставительными союзами (*а, но*) в главном предложении сочетаются с уступительными союзными частицами в придаточной части, входя вместе с ними в двухместные показатели связи (*хотя – а все-таки, хотя – но все же, пускай – а все равно*): *Хоть и никогда она не заискивала и не лебезила перед этой старой лисой, а все-таки и она в Летовке родилась: знала, кто Петр Иванович* [Абрамов]; *Посмотришь – и потом долго-долго вспоминаешь, что хотя ты сама никогда так красиво жить не будешь, но все-таки ты видела настоящую красоту* [Федин].

В дополнение к союзам, ограничивающим действие/состояние неким внешним пределом, частицы *все-таки, все же, все равно* выступают как конкретизаторы, выражая модусно-оценочное значение неэффективности данного действия/состояния относительно тех последствий, которые должны из него вытекать. Выражаемая частицами модусная семантика неэффективности дифференцирует уступительные отношения и указанием на спонтанный – незаданный характер ограничительной связи, возможность развития действия/состояния в направлении обнаружения его внутренних свойств [11, с. 91]. В случае отсутствия сочинительных союзов уступительные частицы приобретают союзную функцию и – при сохранении отмеченного модусно-оценочного значения – употребляются как самостоятельный компонент двухместного показателя связи (*хотя – все-таки, хотя – все же, хотя – все равно, пусть – все же, пускай – все равно, правда – все же*): *Хотя их гимназия формально ничем не отличалась от других казенных гимназий и называлась Одесская первая гимназия, все же она была некогда Ришельевским лицеем и славилась тем, что в ее стенах побывали как почетные гости Пушкин, а потом и Гоголь* [Катаев]; *Да хоть тысячу Раечек выставь сразу, все равно не получится одной Дунярки* [Абрамов]; *Пускай*

мы росли ножевые, А сестры росли, как май, Ты все же глаза живые Печально не подымай [Есенин].

Сближение выражаемой союзными частицами *хотя, пусть, пускай* семантики, с одной стороны, с отношениями внутренней обусловленности, с другой – с противительностью, оформленной средствами сочинения, приводит к парадоксу в решении вопроса о месте уступительных предложений в классификационном делении сложных предложений. Их рассматривают или по традиции в системе сложноподчиненного предложения, или в системе построений, охваченных сочинительной связью. Последняя точка зрения высказана И.Н. Кручининой: скрепы *пусть – но, пускай – но* признаны ею выразителями ограничительных отношений, а скрепы *пусть – а, пускай – а* – выразителями распределительных отношений [11, с. 92–154].

Включение в состав показателей связи частиц *все-таки, все же, все равно* еще более осложняет уступительные отношения, ибо ни сами эти частицы, ни сочетания их с сочинительными союзами не способны выражать собственно сочинительную связь.

Как показал Е.Н. Ширяев, общей для всех сочинительных союзов функцией является «выражение одинаковой отнесенности, в том числе и потенциальной, двух связываемых этим союзом компонентов к третьему» [12, с. 51]. Соответственно, по Е.Н. Ширяеву, союз *но* в предложении *Было холодно, но лыжи скользили хорошо* является сочинительным потому, что на основе данной конструкции можно построить многокомпонентное предложение с однородными придаточными: *Он сказал, что холодно, но что лыжи скользили хорошо*. Заметим, что позицию союза *но* в этом предложении не может занять сочетание *но все-таки* или *все-таки*: *Он сказал, что холодно, но все-таки/ все-таки что лыжи скользили хорошо*.

Поэтому полагаем, что предложения с двухместными показателями связи типа *хотя – но все-таки, хотя – все-таки* выражают синтаксическую связь, которая выходит за рамки как сочинения, так и подчинения, ибо конкретизирующие частицы модифицируют сочинительную связь в направлении ее зависимого – подчинительного характера.

Еще более сложные отношения выражаются в предложениях, в которых уступительные частицы (*пусть, пускай*) употребляются в препозитивной части предложений, сочетаясь с целевыми частицами *только бы, лишь бы* в постпозитивной части, что приводит к образованию двухместных показателей связи (*пусть – только бы, пускай – только бы, пусть – лишь бы, пускай – лишь бы*): *Пусть перекусают все яблоки, только бы на людей были похожи, а то ведь было совсем одичали, чуть кто к нам – и бежать* [Пришвин]; *Пусть не работает, лишь бы глаза не мозолил да не сорил словами в такой момент* [Федин]; *Пускай неволя, лишь бы хлеба вволю* [Федин].

Образованию таких скреп способствовала дифференциация условной семантики. Как отмечает Е.А. Иванчикова, среди условных предложений выделялись и такие, которые выражали условно-ограничительные отношения. В числе приводимых ею примеров и такой: «*Пусть умру в горести – лишь бы дочь моя была благополучна!* (Карамз., Нат. Боярск. Дочь)» [4, с. 107].

Предложения с двухместными показателями связи типа *пусть – только бы* обнаруживают взаимное подчинение частей, выражая сложную модусно-оценочную семантику – условно-пермиссивную (допущения, разрешения, согласия) и оптативную.

Особый интерес представляют «синтагматически связанные двухместные союзные соединения» [8, с. 719] типа *добро бы – а то, ладно бы – а то, благо бы – а то, дивы бы – а то*. Подобные скрепы являются результатом компрессии сложных предложений, состоящих из трех предикативных единиц, и фразеологизации отдельных компонентов. Т.А. Колосова и М.И. Черемисина считают, что базовые конструкции предложений с этими двухместными показателями связи образованы по схеме Если бы (ПЕ-1), то (ПЕ-2), а то (ПЕ-3), где главную часть представляют модусные лексемы *ладно, добро, хорошо* [13, с. 128–129].

Частицы *добро бы, ладно бы, благо бы, дивы бы* дифференцируют условную семантику модусно-оценочными компонентами допущения, согласия, вынужденного одобрения, предпочтения и способны использоваться в качестве условного союза в сложноподчиненных предложениях: *Добро бы Михеич – не так страшно, а вдруг не он?* [Распутин]; *Его не первый раз вот так принимает Подрезов, и благо бы на народе – тогда чего обижаться* [Абрамов].

В составе «синтагматически связанных двухместных союзных соединений» данные частицы также «вбирают» в себя семантику условного союза, сочетаясь с противительным союзом *а то* или с формантами *но, иначе, нет же*: *Ладно бы одни паровозы, а то еще автосцепка лязгает, составители кричат в рупора, тормоза чугунные скрипят* [Чивилихин]; *Ладно бы, думал, думал – додумался: большим начальником сделался, а то так, сбоку припека* [Шукшин]; *Да ладно только б лупили губари, а то совсем оборзели – «расстрел» организовали* [Каледин]; *...но одно в ней раздражало Моню: разговоры о предстоящей смерти. Да добро бы немощью, хилостью они порождались – нет же, бабка очень хотела жить, смерть ненавидела, но покорно строила перед ней, перед смертью, покорную фигуру* [Шукшин].

Выражаемая сочинительными формантами связь конкретизируется частицей *ведь*, выражающей обоснование: *И добро бы он один, Сережа, а то ведь нынешняя молодежь только и знает, что на настроение жалуется* [Абрамов]; *Костя впал в тоску: ладно был бы салабон, по первому году, не грех и в дерьме поковыряться, но ведь дед, дембель на носу* [Каледин].

Наличие в предложениях с двухместными показателями связи типа *добро бы – а то* условных, причинных и противительных смысловых отношений свидетельствует о выражении в этих предложениях синтаксической связи, выходящей за рамки подчинения и сочинения.

Процесс дифференциации временной семантики вызвал появление двухместных показателей связи с темпоральными союзными частицами (*едва, лишь, только, чуть, едва только, лишь только, только лишь, чуть лишь, чуть только*), сочетающимися или с сочинительными союзами (*и, а*), или с подчинительным союзом *как* в постпозитивной части.

Выражаемое частицами значение непосредственного следования субъективно воспринимается как отличное от запланированного диахронической нормой порядка в смене событий, поэтому осложняется модусно-оценочной

семантикой интенсификации, создающей эффект семантического преобразования, то есть фразеологизации. Семантическими элементами интенсификации являются «экспрессивные и субъективно-модальные наслоения» (неожиданности, немотивированности, преждевременности или подчеркнутой интенсивности) [6, с. 730].

Значение непосредственного следования содержат семы обусловленности и противопоставления, поэтому темпоральные лексемы (*только, лишь*) свободно сочетаются с формантами, акцентирующими те и другие отношения. Значение обусловленности – в разной степени – выражает союз *и*. О способности союза *и* выражать «нормальное следствие» пишет В.З. Санников, хотя считает эту способность союза его слабым, факультативным компонентом. В.З. Санников приводит такое толкование союза *и*:

«X и Y = 'X, Y; возможно, X вызывает Y, и это положение дел является нормальным'» [14, с. 186–187].

Поводом для такого толкования послужил анализ предложений: (1) *Коля ушел домой, а Петя остался в школе*; (2) *Коля ушел домой, Петя остался в школе*; (3) *Коля ушел домой, и Петя остался в школе*, из содержания которых, по В.З. Санникову, следует, что в первых двух предложениях события описываются как независимые, тогда как в предложении (3) из-за союза *и* действия зависимы. В.З. Санников эту зависимость понимает как такую, при которой «Петя наверняка знал об уходе Коли, и пребывание Пети в школе, связанное с уходом Коли, является нормальной реакцией на этот уход».

Поэтому логично допустить, что союз *и*, выражая общее соединительное значение, стимулирует результативные отношения (причинно-следственной обусловленности). Степень проявления характера обусловленности регулируется лексико-грамматическим наполнением конструкций. Непосредственное следование при осложнении значением обусловленности может конкретизироваться как: 1) стимулированная ситуация, для которой предыдущая ситуация служит предпосылкой, достаточным основанием; 2) время (момент), наступление которого служит сигналом или поводом для смены ситуаций: 1) *Только поманил пальцем – и как собачка прибежала* [Абрамов]; *Чуть кто вашего брата против шерсти погладил – и сразу война* [Абрамов]; 2) *Лишь только ляжет железо на наковальню, и пошла и заиграла музыка кузнецов, великая музыка созидания и творчества* [Солоухин]; [*О л ь га:*] *Чуть домой явится – и сразу же: «Мишенька!»* [Арбузов].

Скрепсы, в состав которых входит противительный союз *а*, *только – а* (*уже*), *лишь – а* (*уже*), *едва – а* (*уже*), *чуть – а* (*уже*), выражают семантику темпоральную и противопоставительную с недифференцированной гаммой модусно-оценочных смыслов (сопоставления, несоответствия, ограничения, уступки), активнее продвигая предложения в направлении фразеологизации, поскольку ситуация в их постпозитивной части, наступившая слишком скоро или несвоевременно, в большей степени отклонена от запланированного диахронической нормой порядка в смене событий: *Только вошла она в пекарню с покупками, а он уж ей пальцем: – А вот это, мамаша, непорядок!* [Абрамов]; *Только он нагнется за сухим сучком, а я как тресну по уху, чтобы загудело по всей голове* [Солоухин]; *Только пошевелился, а теща, как кошка, прыг со своей*

лежанки [Распутин]; [*Л и з а:*] *Только жить начала, а уж старость приходит* [Абрамов]; *Едва начал брезжить рассвет, а мы уже проснулись и вышли на улицу* [Солоухин].

Предложения с двухместными показателями связи типа *только – и, только – а* выражают синтаксическую связь, которую можно определить как нейтрализацию сочинения – подчинения.

Союз *как* в скрепах типа *едва – как* актуализирует общее значение непосредственного следования: *Едва уходила одна девятка, как на смену ей появлялась другая и снова сыпала и сыпала свои бомбы* [Симонов]; *А после войны – только я устроюсь в театр, в городе, где Кирилл работает, как его переводят на новое место* [Федин].

Предложения с двухместными показателями связи типа *едва – как*, обнаруживают взаимное подчинение частей (двунаправленную доминацию), где препозитивная часть так же подчинена постпозитивной, как постпозитивная препозитивной.

В данной работе рассмотрена лишь незначительная часть двухместных показателей связи, появление которых обусловлено развитием подчинительных конструкций, сопровождавшееся – в свою очередь – дифференциацией смысловых отношений: акцентированием семантики, более точному и разнообразному ее выражению. Отмеченные процессы – стабилизация подчинительных конструкций и дифференциация их семантики – закономерно вызвала и эволюционный процесс «перерастания» собственно подчинительной связи в отношении нового качества, не вмещающиеся в рамки традиционно выделяемой оппозиции «сочинение – подчинение» и вместе с тем способствующие более тесному объединению частей сложного предложения, являясь еще одним доказательством синтетичности русской синтаксической системы.

Summary

A.Yu. Chernyshova. The development of subordinate constructions as the step to evolution of syntactic links.

The article deals with the formation of special double-placed conjunctions in Russian syntax as the result of stabilization of subordinate constructions accompanied by the differentiation of semantic relations. These conjunctions mark special syntactic links that get beyond the traditional opposition “coordination – subordination”.

Литература

1. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высш. шк., 1989. – 800 с.
2. Колосова Т.А., Черемисина М.И. О принципах классификации сложных предложений // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 69–80.
3. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – М., Л.: Полиграфкнига, 1935. – 352 с.
4. Иванчикова Е.А. Развитие подчинительных конструкций функциональных типов // Изменения в строе сложноподчиненного предложения: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. – М.: Наука, 1964. – С. 83–256.

5. *Поспелов Н.С.* Развитие предложений «одночленной» структуры Изменения в строе сложноподчиненного предложения: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. – М.: Наука, 1964. – С. 20–82.
6. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
7. *Богуславский И.М.* Исследования по синтаксической семантике. – М.: Наука, 1985. – 175 с.
8. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – 579 с.
9. *Чернышева А.Ю.* Частицы в сложном предложении. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. – С. 164.
10. *Золотова Г.А., Онипенко И.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998. – 218 с.
11. *Кручинина И.Н.* Структура и функции сочинительной связи в русском языке. – М.: Наука, 1988. – 212 с.
12. *Ширяев Е.Н.* Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе // НДВШ. Филологические науки. – 1980. – № 2. – С. 49–54.
13. *Черемисина М.И., Колосова Т.А.* Очерки по теории сложного предложения. – М.: Наука, 1987. – 197 с.
14. *Санников В.З.* Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. – М.: Наука, 1989. – 267 с.

Поступила в редакцию
21.09.05

Чернышева Алевтина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Казанского государственного университета.